

В.К. Плеве и политика в отношении евреев в России на рубеже XIX—XX вв.

Андрей Минаков

V.K. Plehve and the policy towards Jews in Russia at the turn of the 19th—20th centuries

Andrey Minakov

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015464-1

Жизнь евреев в царской России во многом зависела от традиций самодержавной системы и личных особенностей представителей власти, от волевых решений императоров, от спешивших подстроиться под их настроение министров и от непредсказуемых действий региональных элит и т.д. Противоречия правительственной политики в отношении евреев, в которой перемежались проявления юдофобии и либерализма, в полной мере отразились в деятельности В.К. Плеве. В отечественной историографии¹ и публицистике² ему не раз приписывалось стремление не только законсервировать дискриминацию евреев, но и оказывать на них систематическое давление, вплоть до поощрения погромов, тогда как значение реализованных при его участии послаблений в законодательстве о евреях недооценивалось. Это объяснялось как избирательным прочтением источников, так и влиянием оценок и отзывов, содержащихся в либеральной и радикальной прессе, а также в мемуарах политических оппонентов (прежде всего — С.Ю. Витте)³.

В конце XIX в. положение евреев обсуждалось в многочисленных сменявших друг друга совещаниях, разрабатывавших законодательные нормы, как правило, временного характера. Координировалась эта деятельность в МВД. После волны погромов, прокатившихся в 1881—1882 гг. по районам черты оседлости, в правящих кругах империи пытались выяснить их причину и установить, насколько они были стихийны или организованы. Министр внутренних

© 2021 г. А.С. Минаков

¹ Миндлин А.Б. Правительственные комитеты, комиссии и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX — начале XX века // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 43—61; Миндлин А.Б. Плеве и евреи // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2—3. М., 2003. С. 79—96; Пясковский А.В. Сионизм в дореволюционной России // История СССР. 1973. № 5. С. 33—48; Рахманова Н.А. Еврейский вопрос в политике В.К. Плеве // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1. С. 83—101; Симонова М.С. Плеве // Российские консерваторы. М., 1997. С. 313—314.

² Кунин В. Плеве и Герцль // Время и Мы. Вып. 118. Нью-Йорк, 1992. С. 209—219; Фадеев С. Незаменимый «мерзавец» // Родина. 1999. № 5. С. 63—68; Румер-Зараев М.З. Девять российских дней Теодора Герцля // Дружба народов. 2010. № 8. С. 149—167; Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795—1995). Ч. I. М., 2001.

³ Более взвешенный подход характерен для работ зарубежных исследователей: Judge E.H. Plehve: repression and reform in imperial Russia, 1902—1904. Syracuse, 1983; Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia. Berkley, 1986; Gutwein D. Russian «Official Antisemitism» Reconsidered: Socio-Economic Aspects of Tsarist Jewish Policy, 1881—1905 // International Review of Social History. Vol. 34. 1994. № 2. P. 197—221; Джадж Э. Пасха в Кишинёве. Анатомия погрома. Кишинёв, 1998; Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812—1917). М., 2012. С. 265—273; и др.

дел гр. Н.П. Игнатъев объяснял их как происками революционных элементов, так и естественной реакцией христианского населения на экономическое притеснение со стороны иудеев⁴. Плеве с апреля 1881 г. занимал пост директора Департамента полиции, и граф привлёк его к разработке нового законодательства⁵. Тем временем особые комиссии по выяснению причин антиеврейских выступлений, учреждённые в августе 1881 г. во всех губерниях черты оседлости, критиковали, вслед за гр. Игнатъевым, евреев за непроводительный труд, религиозную замкнутость и т.п., но вместе с тем предлагали снять с них все законодательные ограничения⁶.

Избирательно используя губернаторские отзывы, гр. Игнатъев стал продвигать новые антиеврейские нормы, однако его коллеги по Комитету министров, особенно Н.Х. Бунге и Д.Н. Набоков, решительно воспротивились ужесточению законодательства, опасаясь, в частности, нежелательной для страны реакции международного общественного мнения. Встретив противодействие руководителей финансового и судебного ведомств, гр. Игнатъев представил свои соображения императору⁷, и в результате его рекомендации, пусть и в усечённом виде, вошли в утверждённые Александром III 3 мая 1882 г. «Временные правила о евреях». Они запрещали евреям, жившим в черте оседлости, селиться в сельской местности, приобретать и арендовать недвижимость вне городов и местечек (кроме еврейских земледельческих колоний), а также торговать по воскресным дням и двенадцатым христианским праздникам⁸. Эти ограничения должны были действовать «до общего пересмотра, в установленном порядке, законов о евреях». В 1883—1888 гг. его подготовкой занималась Высшая комиссия по пересмотру всех действующих о евреях в империи законов под председательством гр. К.И. Палена, собравшая значительный материал и намечавшая отмену введённых в 1882 г. ограничений, которые, по мнению её членов, усугубляли обнищание еврейства и осложняли его отношения с христианским населением.

Между тем в 1886—1887 гг. МВД добилось ужесточения процентных норм для евреев в средних и высших учебных заведениях, что воспринималось крайне болезненно, поскольку получение образования являлось одним из немногих способов преодоления черты оседлости и перехода в другие социальные страты⁹.

23 января 1890 г. председателем Совещания о пересмотре изданных 3 мая 1882 г. ограничительных постановлений о евреях и о распространении этих постановлений на губернии Царства Польского был назначен товарищ мини-

⁴ Кантор Р. Александр III о еврейских погромах 1881—1883 гг. (Новые материалы) // Еврейская летопись. Сборник первый. Пг.; М., 1923. С. 153; Миндлин А.Б. Еврейский вопрос в деятельности Н.П. Игнатъева // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 115; Витенберг М. «Антиеврейские» беспорядки 1881—1882 годов. Деятельность губернских комиссий по еврейскому вопросу // Исторические записки. Вып. 10(128). М., 2007. С. 231.

⁵ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Сост. Н.Б. Хайлова. М., 2009. С. 458.

⁶ Витенберг М. «Антиеврейские» беспорядки... С. 232—243; Миндлин А.Б. Еврейский вопрос... С. 117.

⁷ «На штык можно опереться, на него нельзя сесть» / Публ. В.Л. Степанова // Источник. 1993. № 3. С. 60—61.

⁸ ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 834. С. 181.

⁹ Будницкий О.В. Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 328—330; Иванов А.Е. Еврейское студенчество в высшей школе России начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007. С. 39, 54—55.

стра внутренних дел Плеве¹⁰. В МВД учитывали опыт Комиссии гр. Палена, но склонялись к введению новых ограничений. Однако о результатах данной работы известно немного, поскольку внесение подготовленного законопроекта в Государственный совет было отложено вследствие возражений министра финансов И.А. Вышнеградского¹¹. Финансовое ведомство последовательно выступало против дискриминации евреев, которая вредила репутации России в европейских банковских кругах¹². Наивысшего накала эта межведомственная полемика достигла при Витте¹³.

Очевидно, что Плеве в тот момент следовал в фарватере настроений императора и И.Н. Дурново, сменившего в 1889 г. во главе МВД гр. Д.А. Толстого. Так, возглавляя комиссию по разработке проекта нового Городового положения, он оправдывал недопущение евреев в думы, ссылаясь на аналогичную норму в Земском положении 1890 г. А «исходя из коренного основания нашего общественного управления, призвания верховной властью лучших людей известной местности для заведования её хозяйственными интересами», по его словам, было «позволительно сомневаться, чтобы еврейская среда могла поставлять этих лучших людей»¹⁴. Вместе с тем Плеве отмечал, что «всякое правительственное мероприятие по такому трудному вопросу государственного управления, как еврейский, не только отвечает потребности данного времени, но находится в преемственной связи с предыдущими распоряжениями власти, предчувствуя в известной мере и последующие... Рассматриваемое с этой точки зрения изгнание евреев из общественного управления, по мнению противников этой меры, не соответствует требованиям государственной прозорливости, ибо рассчитывать на то, что евреи когда-либо оставят наше отечество едва ли возможно; всякие же иные предвидения в области будущих судеб еврейского племени в России не допускают таких распоряжений, которыми население в несколько миллионов ставилось бы в положение отверженцев». В пользу сохранения за евреями избирательных прав и возможности участвовать в хозяйственной жизни, как считал Плеве, говорила также их значительная численность в городах черты оседлости, лишь возраставшая вследствие реализации «Временных правил» 1882 г.¹⁵

Несовершенство «Временных правил» 1882 г. признавалось не только в заключениях столичных комиссий и совещаний, но и в ежегодных всеподданнейших отчётах губернаторов. Так, в отчёте за 1889 г. киевский губернатор Л.П. Томара сообщал о том, что в обход «Временных правил» 1882 г. евреи вне городов «могут, не заключая письменных договоров, или скрывая существование таковых, пользоваться земельными угодьями, не подвергая себя за это никакой ответственности». Это вызывало «всё большее недовольство крестьянского населения, не могущего уразуметь, почему евреи, коим воспрещено арендовать земельные угодья по законным договорам, могут пользоваться ими

¹⁰ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. СПб., 2002. С. 576.

¹¹ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. II. М., 1966. С. 314. См. также: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 134—135; Слюозберг Г.Б. Дела давно минувших дней // Евреи в России: XIX век. М., 2000. С. 457.

¹² Дневник Е.А. Перетца (1880—1883) / Публ. А.А. Сергеева. М.; Л., 1927. С. 130—131.

¹³ Gutwein D. Op. cit. P. 219—221.

¹⁴ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 96, л. 5 об.—6.

¹⁵ Там же, л. 4—5.

без всяких письменных условий». Александр III отметил на полях: «Необходимо пересмотреть этот закон»¹⁶.

Волынский губернатор С.П. Суходольский в отчёте за 1895 г. констатировал, что «борьба с подвижным еврейским населением, незаконно поселившимся и орудующим в сёлах и деревнях, представляется для органов администрации почти непосильной и физически невозможной»¹⁷. Более того, существование черты оседлости и скученность евреев в городах приводили к искусственному возникновению «еврейских центров», где отсутствовали законные способы заработка. Прямо призывая к упразднению черты оседлости, Суходольский утверждал, что «чем меньше евреев будет проживать в каждой данной местности, тем безразличнее будет значение их для коренного населения, тем меньше забот будут они вызывать по отношению к себе со стороны правительственной власти»¹⁸. Однако Николай II написал на полях отчёта: «Я совсем не разделяю этого взгляда губернатора»¹⁹.

Между тем псковские губернаторы не раз докладывали о росте еврейского землевладения. На отчёте К.И. Пашенко за 1898 г. император признал, что это «явление совсем нежелательное». Аналогичное замечание в отчёте кн. Б.А. Васильчикова за 1900 г. вызвало особое повеление: «Вопрос чрезвычайной важности. Министрам: в[нутренних] д[ел], ю[стиции] и ф[инансов] обсудить меры, чтобы остановить этот наплыв»²⁰. На отчёте за 1898 г. смоленского губернатора В.О. Сосновского, упомянувшего о той же проблеме, осталась резолюция: «Явление совсем нежелательное. Обращаю внимание управляющего Министерством внутр[енних] дел». Рядом с соответствующим упоминанием в отчёте за 1900 г. новгородского губернатора гр. О.Л. Медема имеется пометка: «Вниманию м[инистра] в[нутренних] д[ел]»²¹. Об увеличении числа евреев в столице сообщал в отчёте за 1900 г. и петербургский градоначальник²². В отчёте о состоянии Курской губ. за 1894 г. царь подчеркнул слова: «Многие успели приобрести документы, дающие право на жительство вне черты еврейской оседлости»²³. Екатеринославский губернатор Д.Н. Мартынов в отчёте за 1895 г. жаловался на бессилие местной власти перед ухищрениями евреев. «К сожалению, это так, — отметил на полях император, — но что же делать»²⁴. Таким образом, система юридического сдерживания евреев демонстрировала явную несостоятельность: не снижая социальную напряжённость и угрозу погромов, она осложняла материальное положение основной массы еврейского населения и вредила международному имиджу империи.

Возглавив в апреле 1902 г. МВД, Плеве осознавал, что сохранение «Временных правил» 1882 г. будет препятствовать его действиям в самых разных сферах. Но, будучи искушённым бюрократом, понимавшим, что настроение

¹⁶ РГИА, Коллекция печатных губернаторских отчётов, хранящихся в читальном зале (далее — Коллекция), оп. 1, д. 42, л. 3 об., 36 об.

¹⁷ Там же, д. 17, л. 113 об.

¹⁸ Там же, л. 115 об.

¹⁹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1895 г. [СПб.], 1897. С. 29.

²⁰ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. [СПб.], 1903. С. 78—79.

²¹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1898 г. [СПб.], 1901. С. 127; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. ... С. 61.

²² Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. ... С. 88.

²³ РГИА, Коллекция, оп. 1, д. 48, л. 45.

²⁴ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1895 г. С. 43.

монарха и его окружения исключает полную эмансипацию евреев в ближайшем будущем, он избрал путь постепенной легализации их проживания за пределами официально разрешённых мест, а также некоторого расширения их экономических возможностей.

1 июня 1902 г. в связи с присоединением к Департаменту общих дел МВД Особого отдела Департамента духовных дел иностранных исповеданий, который занимался еврейскими делами, под председательством товарища министра П.Н. Дурново было образовано Особое совещание, приступившее к разработке общих вопросов, связанных с пересмотром «Временных правил» 1882 г. В его состав вошли также директора департаментов полиции и общих дел А.А. Лопухин и А.П. Рогович (который и являлся инициатором создания данного совещания)²⁵.

В конце апреля 1903 г. в МВД подготовили проект изменения «Временных правил» 1882 г., расширявший перечень мест проживания евреев. В основе его лежала записка, поданная в Комитет министров ещё Д.С. Сипягиным в конце марта 1902 г. В ней предлагалось разрешить евреям проживать в 22 населённых пунктах в черте оседлости, которые не являлись городами или местечками, но имели торгово-промышленное значение²⁶. Определить статус таких посёлков, возникавших, как правило, вокруг заводов, пристаней и железнодорожных станций, было непросто. Некоторые из них формально считались крестьянскими, но их жители фактически уже не занимались земледелием. Другие не имели городского статуса лишь из-за высокой численности или даже преобладания еврейского населения, лишённого права участвовать в выборах и занимать какие-либо должности. Так или иначе, после издания «Временных правил» жившие там евреи фактически оказывались вне закона.

Плеве переработал и увеличил первоначальный список до 108 поселений и 27 апреля внёс его в Комитет министров²⁷. 10 мая Николай II утвердил соответствующее положение и список, сокращённый в итоге до 101 поселения²⁸. Характерно, что пять из семи посёлков, исключённых из перечня в ходе его рассмотрения, находились в Бессарабской губ. Вероятно, это также являлось реакцией на недавний Кишинёвский погром. В итоге в списке осталось лишь одно бессарабское поселение (как и в варианте 1902 г.). Больше всего их насчитывалось в Виленской (26), Полтавской (14), Екатеринославской (11), Гродненской (9), Волынской (8), Ковенской (7) и Черниговской (7) губерниях. При этом из сипягинского проекта в окончательный список попали только 16 населённых пунктов. Кстати, в значительной их части еврейское население не преобладало над христианским, а в посёлках Виленской губ. Антоколь, Росса, Лосева дача, Ровное поле евреи вообще не проживали. Тем самым положение 1903 г. не только легализовало пребывание евреев на ранее обжитых территориях, но и допускало заселение новых мест.

В августе 1903 г. МВД разослало губернаторам циркуляр, предложив указать изменения, которые следовало внести во «Временные правила» 1882 г. А в январе 1904 г. было создано Особое совещание для подготовительных работ по пересмотру действующих законов о евреях. В его председатели Плеве выдвинул бывшего херсонского и харьковского губернатора генерал-лейте-

²⁵ ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 76а, д. 2113, л. 1—1 об.

²⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 82, 1904 г., д. 9722, л. 32—56 об.

²⁷ Там же, ф. 1263, оп. 4, д. 27, л. 293—316.

²⁸ ПСЗ-III. Т. 23. Отд. I. СПб., 1905. № 22933. С. 493; Отд. II. СПб., 1905. С. 338—340.

нанта кн. И.М. Оболенского, имевшего опыт общения с еврейским населением. Членами совещания стали виленский (гр. К.К. Пален), бессарабский (кн. С.Д. Урусов), псковский (Э.А. Ватаци), могилёвский (Н.М. Клингенберг) и варшавский (Д.Н. Мартынов) губернаторы, московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов, Лопухин и др. На заседаниях возникали острые дискуссии, причём Лопухин заявлял, что «министр допускает самое решительное обсуждение Временных правил»²⁹.

Участники совещания фактически разделились на противников ограничительного законодательства (Ватаци, Лопухин, гр. Пален, кн. Урусов) и тех, кто считал отмену «Временных правил» преждевременной. Например, кн. Урусов доказывал, что ситуация, при которой, несмотря на фактически бесконтрольное выдворение евреев, многие из них продолжали жить там, где им не дозволялось, при прямом попустительстве властей, развращает администрацию. Губернские правления и полицейские управления были переполнены делами о выселении евреев, не успевая исполнять иные обязанности. Между тем «воспрещение евреям проживать вне городов и местечек искусственно сконцентрировало их в городах и местечках в чрезмерном количестве, обусловив понижение до невозможности заработной платы, стремление в другие места и возникновение беспорядков»³⁰. На это указывал и гр. Пален, утверждавший, что «Временные правила» 1882 г., по сути, создали новую черту оседлости, сократив почти на 90% территорию расселения евреев³¹. Но эти доводы убеждали далеко не всех. Так, один из членов совещания — ананьевский уездный предводитель дворянства М.Н. Малаев из Херсонской губ. полагал, что «если органы полиции и администрации чрезмерно обременены делами о выселении евреев, то это лишь указывает на необходимость увеличения служебного персонала, но ни в каком случае не может служить одним из оснований к отмене обсуждаемого закона»³².

В 1904 г. состоялось как минимум три заседания совещания (12, 14 и 22 января), но после начала русско-японской войны губернаторам пришлось переключиться на иные заботы, и его деятельность приостановилась³³. Тем не менее 30 мая 1904 г. Плеве представил записку «О некоторых изменениях в законоположениях о евреях», в которой предлагалось предоставить право проживания вне городов и местечек черты оседлости лицам с высшим образованием и крупным коммерсантам. При этом министр констатировал, что «евреи, получившие образование, резко выделяются из среды своих единоверцев по своим взглядам, условиям жизни, привычкам, наклонностям» и «имеют более общего с остальным населением империи, чем с невежественной еврейской массой», поскольку «семьи евреев, получивших высшее образование, составляют в еврейской среде совершенно обособленную группу»³⁴. Николай II одобрил составленный в МВД законопроект уже после гибели Плеве, в августе 1904 г.³⁵

Одновременно продолжалось расширение прав проживания евреев в черте оседлости. В конце 1903 г. они получили возможность легально обосноваться

²⁹ ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 76а, д. 2114, л. 41.

³⁰ Там же, л. 21.

³¹ Тайная докладная записка виленского губернатора о положении евреев в России. Женева, 1904. С. 12, 63—64.

³² ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 76а, д. 2114, л. 21.

³³ Урусов С.Д. Записки... С. 487.

³⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 82, 1904 г., д. 9724, л. 3 об.

³⁵ ПСЗ-III. Т. 24. СПб., 1907. № 25016. С. 871—873.

ещё в 58 населённых пунктах (включая восемь посёлков Виленской и Екатеринославской губерний, в которых ранее не жили)³⁶.

Плеве проявлял интерес и к другим способам облегчения положения еврейского населения в империи. Вместе с А.Ф. Кони, П.Л. Корфом, А.А. Сабуровым он поддержал ходатайство виленского городского еврейского общества об организации в городе дома трудолюбия. 7 января 1903 г. оно рассматривалось в Попечительстве о домах трудолюбия и работных домах. Как вспоминал А.С. Путилов, Плеве «не находил возможным закрывать глаза на тяжёлое материальное положение еврейского населения, буквально задыхающегося в отведённой ему черте оседлости в то самое время, как несравненно более вредные в государственном отношении их сородичи живут припеваючи вне этой черты»³⁷. Глава МВД учитывал и то, что «среди евреев замечается сильное ослабление религиозных начал и семейного авторитета, вследствие чего еврейская молодёжь наполняет собою ряды лиц, готовых разрушать общественный порядок и возрастающих в чувстве голодного озлобления»³⁸. Активная вовлечённость евреев в деятельность неонароднических (эсэровских) и социал-демократических организаций не составляла для него секрета³⁹.

Однако против создания в Вильне дома трудолюбия выступил министр финансов. Витте опасался нежелательного прецедента, после чего «последуют ходатайства из массы мест, где евреи обрадуются возможности открывать союзы взаимопомощи, и не будет уже основания этого не разрешать». Смущало его и то, что данные учреждения находились на попечении Александры Фёдоровны и, как ему казалось, было «невозможно давать утвердиться в народе взгляду на русскую императрицу как на покровительницу евреев»⁴⁰.

Несмотря на законодательное смягчение ограничений, действовавших в черте оседлости, именно на Плеве обрушилась жёсткая общественная критика после еврейского погрома в Кишинёве, в ходе которого 6—7 апреля 1903 г. погибли около 50 и были ранены несколько сотен человек⁴¹. 18 мая лондонская «Times» напечатала будто бы конфиденциальное письмо министра внутренних дел к бессарабскому губернатору В.С. Раабену, в котором сообщалось о готовящихся выступлениях против евреев и предписывалось «способствовать прекращению беспорядков посредством наставлений, не прибегая к использованию оружия»⁴². Несмотря на последовавшее официальное опровержение⁴³, данная публикация произвела сильное впечатление на общественное мнение Европы и США. Иностранная пресса и российские либеральные и радикальные круги обеспечили ей самый широкий резонанс и практически сразу дружно возложи-

³⁶ РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5625, л. 201—204; ПСЗ-III. Т. 23. Отд. I. № 23664. С. 1076.

³⁷ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 217, л. 143.

³⁸ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте (Отрывочные воспоминания) // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., 1968. С. 274.

³⁹ Будницкий О.В. Евреи в эпоху поздней Империи... С. 332—333; Бухбиндер Н.А. Еврейское рабочее движение в Гомеле 1890—1905 гг. По неизданным архивным материалам // Красная летопись. 1922. № 2—3. С. 38—102; Разгром еврейского рабочего движения в 1898 г. По неизданным архивным материалам // Там же. № 4. С. 147—197.

⁴⁰ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 274—275.

⁴¹ Подробнее см.: Джеджэ Э. Указ. соч. С. 143—160.

⁴² Times. 1903. 18 May. P. 9.

⁴³ Правительственный вестник. 1903. 13(26) мая. С. 2; Герой дня // Освобождение. 1903. № 23. 19 мая (1 июня). С. 412. См. также: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 300—301.

ли на Плеве персональную ответственность если не за организацию погрома, то за попустительское погромщикам.

При этом поведение бессарабского губернатора действительно компрометировало правительство⁴⁴. По словам директора канцелярии министра внутренних дел Д.Н. Любимова, Раабен невольно создал впечатление, будто власть занимает выжидательную позицию. Вызвав войска в начале беспорядков, он «совершенно устранился от всяких дальнейших распоряжений, считая, что всю распорядительную часть он передал войскам. Войска же целый день простояли в бездействии, ожидая указаний гражданской власти»⁴⁵.

Вечером 6 апреля Раабен телеграфировал Плеве о случившемся, заверив его, что предоставил необходимые полномочия военным и беспорядки утихают. Однако министр уже располагал данными (в том числе от оказавшихся на месте трагедии журналистов), что погром продолжается, и немедленно командировал в Кишинёв Лопухина. С согласия военного министра, Плеве также обратился к командующему Одесским военным округом гр. А.И. Мусину-Пушкину, дабы выяснить причину пассивности войск. По сообщению графа, позднее подтверждённому Лопухиным, Раабен, «вызвав войска, далее не делал никаких распоряжений, на место погрома не выезжал и не посылал даже лиц, по закону его замещающих». Войска не имели формальных оснований для активных действий, так как не получали соответствующего приказа, погромщики на них не нападали, а Раабен не отдал предписания применить оружие, после чего командование перешло бы к военному начальству⁴⁶.

Говоря о лондонской публикации, Любимов не сомневался в том, что «такое письмо никогда не было, да и не могло быть написано»⁴⁷. О непричастности Плеве к погромам уверенно заявляли весьма осведомлённые чины политической полиции⁴⁸. Лопухин, руководивший официальным расследованием кишинёвских событий, утверждал, что письмо, появившееся в «Times», было подложным⁴⁹. П.П. Заварзин, долгое время возглавлявший жандармские управления в черте оседлости, вспоминал, что в МВД предусматривались «строгие кары, отрешения от должностей и даже увольнения за всякое незаконное действие исполнительных агентов в еврейском вопросе»⁵⁰.

Как правило, властям удавалось пресекать еврейские погромы. Так, 11 августа 1902 г. в Ченстохове Петроковской губ. полиция не смогла своими силами прекратить начавшиеся столкновения между местными католиками и евреями, но после вмешательства воинских соединений, дислоцированных в горо-

⁴⁴ Трудно согласиться с мнением Э. Джайа, писавшего, что В.С. Раабена сделали после погрома «козлом отпущения» (*Judge E.H. Op. cit. P. 97*). Губернатор не мог не знать о степени накалённости обстановки в Бессарабии. К тому же об угрозе беспорядков его неоднократно предупреждал начальник кишинёвского охранного отделения Л.Н. Левендаль (*Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902—1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2018. С. 85*).

⁴⁵ *Любимов Д.Н. Русское смутное время... С. 84.*

⁴⁶ Там же. С. 84—85.

⁴⁷ Там же. С. 86.

⁴⁸ См., в частности: *Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм в дореволюционной России // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 31. К схожим выводам приходят и современные исследователи: Judge E.H. Op. cit. P. 99.*

⁴⁹ *Лопухин А.А. Орывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 15—16.*

⁵⁰ *Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска / Под ред. З.И. Перегудовой. Т. 1. М., 2004. С. 442.*

де, порядок был восстановлен⁵¹. Буквально за день до Кишинёвского погрома произошли беспорядки в Пинске, где толпа евреев попыталась освободить арестованных политических пропагандистов, но её остановили две роты солдат, вызванные минским губернатором⁵². 29 августа — 1 сентября 1903 г. прошёл погром в Гомеле, также ликвидированный с помощью войск. В целом, как местная, так и центральная администрация стремились сдерживать вспышки массового насилия.

Сменивший в начале мая Раабена кн. Урусов также считал, что «Плеве не был способен на столь неосторожный поступок и ни в каком случае не рискнул бы оставить доказательства своих провокаторских планов в руках губернатора, которого он почти не знал и которому мало доверял»⁵³. Вместе с тем Раабена могли подвести личные качества и неумение проявить твёрдость в критический момент. Кроме того, его компрометировал и вице-губернатор В.Г. Устругов, который при попустительстве губернатора фактически сосредоточил в своих руках все дела, касавшиеся евреев. Бесконтрольно распоряжаясь в губернском правлении, Устругов видел свою задачу в «стеснении евреев, доходившем до извращения закона; но иногда по отдельным делам допускались им послабления, заставлявшие предполагать небескорыстный повод»⁵⁴.

Запоздалой попыткой смягчить общественное мнение стало собрание представителей местной элиты, проведённое Раабеном 20 апреля во дворе губернаторского дома, где он опровергал заявления некоторых погромщиков, которые «распускали нелепые слухи, что высшее правительство разрешило бить евреев»⁵⁵. Разумеется, будь в распоряжении Раабена то самое «письмо» министра, он не упустил бы возможности сослаться на него для оправдания своей растерянности⁵⁶.

К травле Плеве быстро подключился журнал «Освобождение»⁵⁷. Один из его корреспондентов писал П.Б. Струве: «Вообще желательно было видеть в “Освобождении” больше материала о Кишинёвском погроме. Уже одни данные русских заграничных газет дают возможность обобщений, являющихся в данный момент весьма важными. Кишинёвский погром должен стать центром, из которого должны исходить наиболее тяжёлые удары для правительства. И нечего говорить, что ударов с этой стороны правительство пуще всего боится»⁵⁸. Такой призыв вполне соответствовал установкам одного из «отцов-основателей» журнала — кн. Д.И. Шаховского, полагавшего, что «одна из первых задач такого органа, как “Освобождение”, дискредитировать правительство. И это не какая-нибудь второстепенная задача, нет, это дело огромной важ-

⁵¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 100, 3-е делопроизводство, д. 1508, л. 8—9; РГИА, Библиотека, оп. 1, д. 69, л. 101 об.—102. Характерно, что власти пытались скрыть информацию об этом и не включали её в публиковавшиеся дважды в месяц сводки губернских происшествий (Петроковские губернские ведомости. 1902. 7 сентября. № 36. С. 11—12; 28 сентября. № 39. С. 10).

⁵² ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1046, л. 2—2 об.

⁵³ Урусов С.Д. Записки... С. 405.

⁵⁴ Там же. С. 354.

⁵⁵ Бессарабев. 1903. 22 апреля (5 мая). № 104. С. 3.

⁵⁶ Rogger H. Op. cit. P. 31; Джадж Э. Указ. соч. С. 140.

⁵⁷ Освобождение. 1903. 8(21) мая. № 22. С. 377—379. Подробнее см.: Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 84—85.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 89, л. 2—2 об.

ности, первостепенного политического значения»⁵⁹. Впрочем, влияние этого издания на российское общество не стоит переоценивать: большая часть его тиража распространялась в Европе среди русских эмигрантов и путешественников⁶⁰.

Тем временем «Times» во многих номерах помещала колонку «Кишинёвские бесчинства», знакомя читателей с сообщениями собственных корреспондентов и релизами публикаций, появившихся в европейских и американских газетах. Как вспоминал кн. Урусов, Кишинёв посетил английский агент, собиравший сведения о последствиях апрельских событий. Ему разрешили осмотреть город и даже посетить тюремный замок, где он общался с задержанными погромщиками⁶¹.

Николай II не делал никаких публичных заявлений по поводу погрома. Со своей стороны, Плеве 26 апреля писал императору: «Вследствие кишинёвских беспорядков представляется мне весьма полезным обратиться к административным начальствам с циркуляром, который заменит правительственное сообщение об этих бесчинствах»⁶². 30 апреля министр разослал свой циркуляр, излагавший официальную версию событий, а 24 мая принял еврейскую депутацию. Выражая ей соболезнования, Плеве был «крайне любезен» и «очаровал» её, заверив, что царь также скорбит о случившемся⁶³.

Однако молчание Николая II производило скорее негативное впечатление. «С 1903 года, — вспоминал кн. Урусов, — стало для всех очевидным, что и государь, если не действием, то по сердцу и убеждению, враг еврейства. Попытки вызвать государя на какое-нибудь проявление осуждения погромов или хотя бы на выражение жалости к пострадавшим дарованием им из собственных средств денежной помощи потерпели неудачу»⁶⁴. Учитывая силу антисемитских настроений при дворе, кн. Урусов даже не исключал, что начальник кишинёвского охранного отделения Левендаль мог провоцировать погром, надеясь угадать скрытые желания высших сфер⁶⁵.

Общественное мнение как в России, так и за рубежом ждало открытого расследования обстоятельств трагедии. Однако правительство явно не желало их разглашения, запретив публикации в печати и решив провести судебный процесс в закрытом режиме. В европейской прессе вышла серия заказных «успокоительных» публикаций, однако у МВД не имелось «ни контроля над западными газетами, ни средств обеспечить благоприятную оценку его заявлений, ни возможности не допустить враждебных статей»⁶⁶. Поэтому приходилось прибегать к административным мерам. Корреспондент «Times» Д. Брехем, не имевший отношения к освещению кишинёвских событий, был выслан из страны. 24 июня 1904 г. Плеве запросил немецкое посольство в Петербурге, какие основания необходимы для закрытия «Освобождения» или высылки его издателя из Штутгарта, а уже 28 июня Струве, бежав из Германии вместе с женой, подыскивал себе новое жильё в Париже⁶⁷.

⁵⁹ Цит. по: *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С. 78.

⁶⁰ Там же. С. 98.

⁶¹ *Урусов С.Д.* Записки... С. 376—377.

⁶² ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1046, л. 1.

⁶³ *Times*. 1903. 28 May. P. 3; ОР РГБ, ф. 126, к. 13, л. 231 об.

⁶⁴ *Урусов С.Д.* Записки... С. 375.

⁶⁵ Там же. С. 408—409.

⁶⁶ *Джадж Э.* Указ. соч. С. 111.

⁶⁷ *Пайнс Р.* Струве: левый либерал, 1870—1905. Т. 1. М., 2001. С. 498.

Именно в такой атмосфере летом 1903 г. состоялись встречи Плеве с лидером международного сионистского движения Т. Герцлем, приехавшим в Петербург для обсуждения перспектив переселения российских иудеев в Палестину. Герцль и его единомышленники рассчитывали на то, что антисемитизм, распространённый в европейских государствах, будет стимулировать переезд евреев на историческую родину, а затем признание их независимого государства станет для великих держав самым простым способом решения еврейского вопроса⁶⁸. К тому времени Герцль уже встречался с Вильгельмом II и Абдул-Гамидом II. Через великого герцога Баденского он также передал письмо Николаю II, убеждая его в том, что сионизм способен отвлечь евреев от социализма, и добиваясь разрешения приехать в Россию для личного изложения своих идей царю⁶⁹.

В начале XX в. евреи массово покидали Россию. Доля её уроженцев среди еврейских эмигрантов в США превышала 70%. Довольно часто они уезжали также в Канаду. Вместе с тем и в российских губерниях сохранялся высокий естественный прирост населения, благодаря чему на рубеже XIX—XX вв. в них проживало около половины евреев всего мира⁷⁰. Поэтому Герцль вполне обоснованно видел в них мобильную демографическую среду.

Власти империи с большим интересом относились к сионизму. В Департаменте полиции МВД на протяжении многих лет собирали донесения губернаторов и начальников губернских жандармских управлений, содержавшие сведения о сионистах. Наконец, 24 июня 1903 г. Плеве направил губернаторам циркуляр, фактически запрещающий деятельность любых сионистских организаций, если она не направлена на выезд евреев из России⁷¹.

На первой же встрече с Герцлем 26 июля 1903 г. министр изложил свою позицию. «Мы должны требовать от всех народов нашей империи, следовательно, и от евреев, чтобы они относились к русскому государству с патриотическими чувствами, — заявил он. — Мы хотим ассимилировать их и идём к этой цели по двум путям: по пути высшего образования и по пути экономического подъёма»⁷². Со своей стороны, Герцль мечтал о «настойчивом» ходатайстве царя перед султаном за еврейских переселенцев, которое позволило бы им закрепиться на территории Палестины и создать там впоследствии своё государство. Более того, ему казалось, что Россия могла бы оказать финансовую помощь эмигрантам, «употребляя для этой цели некоторые фонды и налоги чисто еврейского происхождения». Не терял он надежды и на возможность легализации сионистских обществ в России в соответствии с Базельской программой 1897 г. На предстоявшем VI сионистском конгрессе в Базеле Герцль готов был выступить с декларацией о сотрудничестве сионистов с русским правительством, если оно поддержит колонизацию Палестины и обещает «в недалёком будущем расширить черту оседлости для тех евреев, которые не пожелали бы эмигрировать»⁷³. Так как согласие на это предложение зависело от императора, министр взял паузу, но 31 июля сообщил Герцлю, что Николай II одобряет подходы

⁶⁸ Пяковский А.В. Сионизм в дореволюционной России. С. 41.

⁶⁹ Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 46.

⁷⁰ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. С. 175, 182.

⁷¹ Локшин А. Формирование политики... С. 51.

⁷² Герцль Т. Из дневника // Герцль Т. Избранные. Иерусалим, 1974. С. 219.

⁷³ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 2 об.—3 об.

сионизма к решению еврейского вопроса и очень обеспокоен, «когда его подозревают в чём-то негуманном». Вместе с тем глава МВД дал понять своему собеседнику, что «мы отнюдь не хотим лишиться всех наших евреев»⁷⁴.

1 августа лидер сионистов написал Плеве о необходимости ускорить ходатайство Николая II перед султаном, поскольку «в настоящее время оттоманское правительство, чтобы быть приятным России, сделает сверх обычного всё, что от него потребуют. Одно желание е[го] и[мператорского] в[еличества] царя, выраженное прямо, было бы достаточно»⁷⁵. Вспоминая о поездке в Россию, Герцль утверждал: «Я встретил там известное понимание наших сионистских стремлений и желание сделать для нас нечто решительное... я говорил в защиту не только сионистов, но и всех евреев в России. Я старался добиться некоторых улучшений их печального положения и получил уверение, что о подобном улучшении будет вскоре возбуждён вопрос... русское правительство не будет ставить препятствий на пути сионизма, если он, как до сих пор, сохранит свой спокойный, лояльный характер... русское правительство готово поддерживать своим влиянием у султана наше стремление к достижению палестинского чартера»⁷⁶. Встречи с Плеве он оценивал как «крупное дипломатическое приобретение».

Российские евреи внимательно следили за инициативами Герцля, но не во всём им сочувствовали. По словам известного общественного деятеля Г.Б. Слиозберга, «никто не уполномочивал Герцля заявлять от имени евреев, что они считают себя как бы временно пребывающими в России и готовыми оставить родину». Одновременно Слиозберг был уверен, что Герцль вводил в заблуждение Плеве, предлагая ему в обмен на предоставление равноправия договориться с зарубежными еврейскими банками о прекращении финансирования ими русского революционного движения⁷⁷.

10 сентября Герцль сообщил Плеве о своих впечатлениях от VI сионистского конгресса, состоявшегося 23—28 августа в Базеле. Он всё ещё верил в то, что правительства Англии, Франции и Германии поддержат проект колонизации Палестины. Но решающая роль в его осуществлении по-прежнему отводилась Петербургу: «Большие надежды возлагаются теперь на правительственное обещание, содержащееся в письме Вашего превосходительства от 12 августа. Разочарование в этой надежде спутало бы положение и всё, что потерял бы сионизм, представляемый мною и моими друзьями, приобрели бы революционные партии. Спасительное решение зависит теперь от силы обещанного вмешательства перед оттоманским правительством»⁷⁸. 28 октября Герцль вновь просил Плеве устроить ему аудиенцию у Николая II⁷⁹.

Поскольку кишинёвские события вызвали бурную реакцию в мире, Плеве также интересовался ходом конгресса и тем, как вела себя на нём русская делегация. «Насколько мне известно, — успокаивал его Герцль, — и это я говорю как честный человек, никто из русских делегатов на конгрессе не позволил себе ни юридически, ни морально ничего не достойного русского гражданина»⁸⁰.

⁷⁴ Герцль Т. Указ. соч. С. 230.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 5.

⁷⁶ Речь доктора Т. Герцля на VI конгрессе сионистов. Одесса, 1903. С. 8.

⁷⁷ Любимов Д.Н. Русское смутное время... С. 88—89.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 9.

⁷⁹ Там же, л. 12 об.

⁸⁰ Там же, л. 11.

Встреча Герцля с царём так и не состоялась, а идеи, обсуждавшиеся им с Плеве, предсказуемо встретили весьма прохладный приём в МИД. Возглавлявший его гр. В.Н. Ламздорф занимался тогда урегулированием Македонского кризиса и вовсе не желал выдвигать дополнительные требования к Турции⁸¹. Поэтому он предложил Плеве поручить ходатайство о выделении палестинских территорий для переселения сионистов русскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. Из МИД ему, с согласия Плеве, сообщили, что «императорское правительство отнеслось к означенным предположениям с полным сочувствием, и министр внутренних дел счёл нужным адресовать по этому поводу письмо д-ру Герцлю, которым оно, с согласия министра, было предано гласности»⁸². Тогда же, 23 ноября, Плеве уведомил Герцля о поставленной перед Зиновьевым задаче. Одновременно он разрешил, несмотря на конфиденциальность их переписки, цитировать свои письма, если понадобится подтвердить готовность российского правительства содействовать сионистам⁸³.

Но Герцль начинал уже скептически оценивать перспективы своих замыслов. «Со всей покорностью я должен признаться, — писал он Плеве 11 декабря, — что не делаю себе слишком больших иллюзий на действительный эффект посредничества в подобной форме, зная нравы и обычаи чрезвычайно искусной турецкой дипломатии. Посредничество русского посла, хотя бы и очень усиленное, рискует быть присоединённым в архивах Высокой Порты к документам других, не принесших плоды посредничества». Поэтому Герцль просил разрешения опубликовать письмо, посланное ему министром 23 ноября, или хотя бы его часть. Но ещё лучше, по его мнению, было бы устроить ему аудиенцию у Николая II и позволить затем рассказать о ней в печати. «Тогда, по крайней мере, — уверял Герцль, — все увидели бы прекрасные намерения русского правительства помочь разрешению несчастного еврейского вопроса гуманным средством сионизма, и это произвело бы известное действие на международное общественное мнение, именно в данный момент»⁸⁴.

Зиновьев сразу же отправил гр. Ламздорфу донесение, в котором выразил сомнение в успехе возложенной на него миссии. Деша посла легла на стол императору, и тот 16 декабря начертал на ней: «Справедливый отзыв»⁸⁵. Дальнейшие консультации остановились из-за начавшейся русско-японской войны, а летом 1904 г. Герцль и Плеве почти одновременно ушли из жизни.

23 октября 1903 г., в разгар своей переписки с Герцлем, Плеве встретился также с известным английским общественным деятелем, журналистом и историком еврейства Л. Вольфом. «Он знает евреев и ценит хорошие стороны этого интеллигентного племени, — отзывался Вольф о Плеве, — но он разделяет мнение тех, которые полагают, что трудно предоставить евреям свободный доступ внутрь России, так как русский крестьянин очень беден и, если бы евреи там поселились, ему пришлось бы делиться своим скудным достоянием с переселенцами, которые большей частью принадлежат к непроизводительному классу»⁸⁶. При этом глава МВД не только выражал беспокойство тем, что

⁸¹ Лошаков А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 37—38.

⁸² ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 317, л. 1—1 об.; АВПРИ, ф. 151, оп. 482, 1903 г., д. 3427, л. 5—7.

⁸³ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 317, л. 2 об.—3.

⁸⁴ Там же, д. 610, л. 16—17.

⁸⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, 1903 г., д. 3427, л. 10.

⁸⁶ Беседа В.К. Плеве с Л. Вольфом (1903) // Еврейская старина. 1916. Т. IX. Вып. I. С. 122. После этой встречи Вольф выступил с отчётом-докладом на заседании англо-еврейского общества,

еврейская молодёжь увлечена революционными идеями, но и демонстрировал заботу о благосостоянии евреев, а также готовность продолжить расширение территории, на которой они могли проживать. Этим путём он надеялся добиться ассимиляции верхней, культурной части еврейства и улучшения материального положения его беднейших и малообразованных слоёв. В сионизме он видел прежде всего противовес социализму, но в политические перспективы эмиграции евреев в Палестину не верил⁸⁷.

Вместе с тем в его планах была подготовка проекта переселения евреев на Дальний Восток, в Маньчжурию, о чём он собирался говорить с наместником адмиралом Е.И. Алексеевым. Одобрил Плеве и идею Вольфа разместить еврейских поселенцев в Южной Сибири, чтобы «создать quasi-русский барьер против всё растущих набегов китайцев и японцев»⁸⁸.

Таким образом, репутация «ярого антисемита», которую Плеве приобрёл ещё до кишинёвских событий⁸⁹, в тот период, когда он участвовал в разработке ограничительного законодательства 1880—1890-х гг., отнюдь не отражала всей сложности его взглядов. Скорее всего, Плеве вовсе не лукавил, говоря: «Если мне, в качестве товарища министра, в некоторых комиссиях пришлось действовать против евреев, то не надо забывать, что я был тогда исполнителем чужих распоряжений»⁹⁰. Возглавив МВД, он был заинтересован в том, чтобы сгладить остроту еврейского вопроса, но при этом считал необходимым сохранить контроль над объёмом и характером правовых послаблений.

Опытнейший администратор тщательно следил за условной линией допустимых уступок, которая позволяла соблюдать чрезвычайно хрупкий баланс, не вызывая неприятия монарха. В то же время на сановника безусловно влияли и личные переживания. Известны свидетельства весьма критично относившихся к нему современников, которые рассказывали, с какими добрыми чувствами он отзывался о евреях, вспоминая дружеское общение с ними в юные годы⁹¹.

вызвав у присутствовавших положительную реакцию. Прося разрешение на публикацию данного текста, он надеялся, что «гласность произведёт очень хорошее впечатление в еврейском обществе» (ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 26).

⁸⁷ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 24 об.—25.

⁸⁸ Там же, л. 25.

⁸⁹ *Judge E.H.* Op. cit. P. 94.

⁹⁰ *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909. М., 2006. С. 303.

⁹¹ Там же; ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 23; *Герцль Т.* Указ. соч. С. 231.